

Модернизация правовой системы Российской империи в контексте столыпинских реформ

Погарцев Виталий Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: pogarcevv@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается модернизация правовой системы Российской империи в период столыпинских преобразований как попытка обновления нормативного порядка без демонтажа самодержавных оснований власти. Раскрывается, каким образом революционные события 1905–1907 годов и провозглашение гражданских свобод актуализировали переход от сословной модели права к общегражданской, одновременно обнажив коллизию между провозглашаемой законностью и практиками полицейского управления. Анализируется аграрное законодательство 1906–1910 годов как перелом в вещном праве, обеспечивший юридическую возможность индивидуализации крестьянского землевладения, но реализованный через административные механизмы, размыавшие границы между исполнением и правосудием. Показаны противоречия реформы местного суда и ограниченность унификации судопроизводства при сохранении элементов сословности. Отдельно освещается использование чрезвычайных полномочий для проведения актов, формировавших дуализм законодательной власти и снижавших авторитет процедурных гарантий. Рассматриваются уголовно-процессуальные практики ускоренного правосудия, проблемы фактической обеспеченности личных свобод, частичная либерализация конфессионального регулирования, затруднения в развитии административной ответственности чиновничества, а также влияние реформ на коммерческое право и правовую инфраструктуру переселенческих территорий. Делается вывод о системной, но незавершенной правовой модернизации, сочетавшей нормативное обновление с устойчивостью авторитарных инструментов управления.

Для цитирования в научных исследованиях

Погарцев В.В. Модернизация правовой системы Российской империи в контексте столыпинских реформ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 12А. С.51-61. DOI: 10.34670/AR.2026.52.38.007

Ключевые слова

Столыпинские реформы, правовая модернизация, Российская империя, аграрное законодательство, чрезвычайное законодательство, вещное право, административная юстиция, гражданские свободы.

Введение

Глобальная трансформация социально-экономического и политического уклада Российской империи в начале XX века, вызванная как внутренними противоречиями, так и внешнеполитическими вызовами, потребовала коренного пересмотра всей нормативно-правовой базы государства, что наиболее ярко проявилось в период столыпинских реформ, ставших попыткой системной модернизации правового поля страны без разрушения основ монархического строя. Необходимость перехода от архаичного сословного права к праву общегражданскому диктовалась не только потребностями капиталистического развития, но и глубоким кризисом правосознания населения, который выразился в революционных потрясениях 1905–1907 годов, когда легитимность действующей власти и эффективность судебной системы были поставлены под сомнение широкими слоями общества, требовавшими немедленного установления конституционного порядка и гарантii личных прав [Сырых, 2023, с. 88-97]. П. А. Столыпин, возглавивший правительство в этот критический момент, рассматривал право не просто как совокупность императивных норм, но как действенный инструмент социального инжиниринга, способный сформировать новый класс собственников и обеспечить стабильность государственного управления через эволюционное развитие законодательства, а не через революционный слом институтов, что предполагало сложнейшую работу по согласованию новых либеральных начал с традиционными устоями самодержавия и кодифицированным законодательством предыдущих эпох [Кузьменко, 2025, с. 357-361]. Ключевой проблемой данного периода являлось противоречие между декларируемыми в Манифесте 17 октября принципами гражданской свободы и реально существующим механизмом полицейского государства, что порождало уникальные правовые коллизии, когда правительство вынуждено было прибегать к чрезвычайному законодательству ради сохранения основ правопорядка, создавая тем самым парадоксальную ситуацию укрепления законности через нарушение формальных законодательных процедур, предусмотренных Основными государственными законами 1906 года [Бойко, Бондаренко, 2024, с. 13-15].

Исследование правовой природы столыпинских преобразований требует глубокого погружения в контекст законотворческого процесса того времени, когда взаимодействие между Советом министров и Государственной Думой впервые в российской истории приобрело характер парламентской борьбы, влияющей на итоговый текст нормативных актов и создающей прецеденты толкования норм конституционного характера. Особую актуальность приобретает анализ того, как исполнительная власть пыталась преодолеть инертность сословного правосудия и административного произвола на местах путем введения институтов административной юстиции и реформирования местного суда, что должно было обеспечить защиту субъективных прав крестьянства, выходящего из общины и вступающего в полноценный гражданский оборот [Мамкина, 2021, с. 34-43]. Важно отметить, что модернизация правовой системы не ограничивалась лишь аграрным сектором, но охватывала сферы конфессионального права, местного самоуправления и уголовного процесса, однако реализация этих замыслов сталкивалась с сопротивлением как консервативных кругов, видевших в унификации права угрозу устоям, так и радикальной оппозиции, отрицавшей саму возможность правового диалога с властью, что приводило к фрагментарности реформ и неполноте их законодательного оформления [Левченков, 2023, с. 194-203]. Историко-правовой анализ данной эпохи позволяет выявить генезис многих институтов современного российского права и понять механизмы функционирования правовой системы в условиях переходного

периода, когда старые нормы уже утратили легитимность в глазах общества, а новые еще не успели сформировать устойчивую правоприменительную практику, что делает опыт столыпинских реформ бесценным материалом для осмыслиния путей развития отечественной государственности и права в условиях кризиса.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный подход, базирующийся на принципах историзма и научной объективности, предполагающий рассмотрение правовых явлений начала XX века в их диалектическом развитии и взаимосвязи с социально-политическим контекстом эпохи, что позволяет избежать односторонних оценок и выявить глубинные закономерности трансформации правовой системы Российской империи. Центральное место в методологии занимает формально-юридический метод, применяемый для анализа текстов нормативных правовых актов, в том числе Полного собрания законов Российской империи, сводов законов, а также законопроектов, вносимых правительством в Государственную Думу, что дает возможность детально изучить юридическую технику, терминологический аппарат и внутреннюю логику законодателя, стремившегося адаптировать архаичные нормы к новым реалиям [Рогачев, 2024, с. 127-130]. Наряду с этим активно используется сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить российское законодательство столыпинского периода с аналогичными правовыми институтами европейских государств того времени, в частности Германии и Франции, для выявления заимствований, адаптации зарубежного опыта и уникальных черт отечественной правовой модели, особенно в части регулирования земельных отношений и административной юстиции [Сердюк, Рудакова, 2022, с. 75-80]. Особое внимание уделяется герменевтическому анализу стенограмм заседаний Государственной Думы и Государственного Совета, которые выступают не просто как исторический источник, но как фиксация правовой полемики, раскрывающей различные подходы к пониманию сущности права, законности и справедливости представителями различных политических фракций и правительственными чиновниками, что позволяет реконструировать правосознание элиты и профессионального юридического сообщества [Николаев, 2025, с. 59-65].

Эмпирическую базу исследования формирует обширный массив архивных документов, включая материалы делопроизводства Совета министров, Министерства юстиции и Министерства внутренних дел, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, анализ которых позволяет проследить процесс разработки законопроектов от первоначального замысла до окончательной редакции или отклонения законодательным органом. Значительную роль в исследовании играет изучение материалов судебной практики, в частности решений Правительствующего Сената, который в данный период выполнял функции верховного кассационного суда и органа конституционного надзора, давая толкования новым законам и разрешая коллизии между противоречивыми нормами переходного периода, что является ключевым для понимания того, как "буква закона" реализовывалась в "жизни права" на местах [Андреев, 2024, с. 167-170]. Также применяются методы статистического анализа при работе с данными о деятельности судов, количестве рассмотренных земельных споров и применении чрезвычайного законодательства, что позволяет оценить реальную эффективность внедряемых правовых механизмов и масштаб их влияния на общественные отношения. Синтез указанных методов дает возможность реконструировать целостную картину правовой

модернизации, выявить разрыв между законодательным замыслом и правоприменительной реальностью, а также оценить качество юридической проработки реформ, проводимых в условиях жесткого цейтнота и политического противостояния, не прибегая к упрощенным схемам и идеологическим штампам.

Результаты и обсуждение

Центральным элементом правовой модернизации, безусловно, выступала аграрная реформа, юридическим фундаментом которой стал знаменитый Указ от 9 ноября 1906 года, позднее трансформировавшийся в закон 14 июня 1910 года, который представлял собой не просто экономическую меру, но радикальный переворот в сфере вещного права, поскольку он впервые создавал правовой механизм превращения надельной земли, находившейся в пользовании общины, в объект права личной собственности крестьянина. Законодатель столкнулся с колossalной проблемой юридического оформления этого перехода, поскольку действующее гражданское законодательство, базировавшееся на Своде законов гражданских, было ориентировано преимущественно на дворянское землевладение и не учитывало специфику обычного права, регулировавшего жизнь крестьянской общины на протяжении столетий [Метшин, 2025, с. 26-36]. Нормативная конструкция выхода из общины требовала детальной регламентации процедур межевания, закрепления прав на отруба и хутора, а также разрешения неизбежных споров между выделяющимися домохозяевами и обществом, что повлекло за собой создание особых землеустроительных комиссий, наделенных квазисудебными функциями. Анализ правоприменительной практики показывает, что эти комиссии, будучи административными органами, фактически творили новое право, зачастую игнорируя формальные требования процессуального законодательства ради ускорения реформы, что создавало опасный прецедент смещения исполнительной и судебной власти и вызывало обоснованную критику со стороны профессионального юридического сообщества, указывавшего на нарушение принципа разделения властей и ущемление прав общинников [Епифанов, 2025, с. 32-39]. Тем не менее, с точки зрения развития цивилистики, этот процесс стал мощным катализатором утверждения принципа неприкосновенности частной собственности в крестьянской среде, хотя и насаждаемого административными методами.

Существенным аспектом реформирования правовой системы стала попытка реорганизации местного суда, который в дореволюционной России находился в плачевном состоянии из-за сословной обособленности волостных судов и произвола земских начальников, совмещавших административную и судебную власть, что прямо противоречило принципам Судебных уставов 1864 года. Проект реформы местного суда, разработанный Министерством юстиции при активном участии Столыпина, предусматривал восстановление института мировых судей, избираемых земствами, и ликвидацию волостных судов как сословного пережитка, с передачей их юрисдикции общегражданским инстанциям, что должно было обеспечить единство судебной системы и равенство всех перед законом независимо от сословной принадлежности [Дунаева, 2022, с. 132-138]. Однако прохождение данного законопроекта через Государственную Думу и Государственный Совет наглядно продемонстрировало глубокий раскол в понимании права правящей элитой: правые фракции яростно отстаивали сохранение волостного суда как хранителя "народных обычаев" и инструмента опеки над крестьянством, в то время как либеральные юристы настаивали на полной унификации судопроизводства. В результате принятый закон 1912 года оказался компромиссным и половинчатым, сохранив некоторые

элементы сословности, но все же сделав шаг в сторону доступности квалифицированного правосудия для широких масс, хотя реализация его затянулась вплоть до начала Первой мировой войны.

Особого внимания заслуживает практика применения статьи 87 Основных государственных законов, позволявшей императору издавать указы, имеющие силу закона, в перерывах между сессиями Думы, что стало излюбленным инструментом правительства Столыпина для проведения неотложных реформ в обход несговорчивого парламента. С точки зрения конституционного права, частое использование этой статьи (включая введение военно-полевых судов и самого аграрного законодательства) создавало ситуацию дуализма законодательной власти, когда исполнительная власть фактически узурпировала прерогативы народного представительства, оправдывая это государственной необходимостью и высшими интересами империи [Васильев, Соловьев, 2023, с. 23-26]. Юридическая общественность того времени вела ожесточенные дискуссии о легитимности таких актов, указывая на то, что понятие "чрезвычайные обстоятельства" трактуется правительством расширительно, превращая исключение в правило и подрывая авторитет закона как такового. Сама процедура последующего утверждения этих указов Думой зачастую превращалась в формальность или затягивалась на годы, в течение которых нормы действовали, порождая правовые последствия, которые впоследствии невозможно было отменить без ущерба для стабильности гражданского оборота, что свидетельствует о приоритете политической целесообразности над юридической чистотой в стратегии реформаторов.

В сфере уголовного права и процесса наиболее резонансным и спорным элементом стало введение военно-полевых судов в 1906 году, которые рассматривали дела о террористических актах и вооруженных восстаниях в упрощенном порядке, без участия защиты и с немедленным исполнением приговоров, что формально обосновывалось необходимостью борьбы с революционным террором, захлестнувшим страну. Анализ нормативной базы, регулирующей деятельность этих судов, выявляет практически полный отказ от принципов состязательности и презумпции невиновности, что превращало судебный процесс в акт административной расправы, хотя и облеченный в квазисудебную форму, что вызвало мощнейший протест не только либеральной общественности, но и многих консервативных юристов, видевших в этом разрушение основ правосудия, заложенных реформой Александра II [Каменецкий, 2023, с. 1044-1058]. При этом сторонники жестких мер апеллировали к праву государства на самооборону и к тому, что в условиях фактической гражданской войны обычные юридические процедуры становятся неэффективными и даже губительными для самого правопорядка. Этот исторический пример ярко иллюстрирует вечную дилемму между безопасностью и свободой, правом и силой, которая в условиях столыпинской модернизации решалась с явным перекосом в сторону силового подавления противников режима, что, парадоксальным образом, подрывало уважение к закону, которое правительство стремилось воспитать.

Проблема обеспечения гражданских свобод, декларированных Манифестом 17 октября, также находилась в центре законотворческой работы, однако здесь разрыв между декларацией и реализацией был наиболее очевиден, так как административный аппарат империи не был готов к работе в условиях реального обеспечения неприкосновенности личности, свободы слова и собраний. Законопроекты о неприкосновенности личности, подготовленные правительством, содержали такое количество оговорок и отсылочных норм к полномочиям полиции и губернаторов, что фактически сводили на нет саму суть конституционных гарантий, сохраняя за администрацией широкие дискреционные полномочия по ограничению прав граждан под

предлогом охраны общественного порядка [Чахиева, 2024, с. 125-134]. Судебная практика тех лет изобилует делами о закрытии газет, запрете обществ и административной высылке без суда, что подтверждает тезис о том, что правовое государство в России строилось "сверху" методами полицейского контроля, при которых права граждан рассматривались не как естественные и неотчуждаемые, а как дарованные монархом привилегии, объем которых может быть произвольно изменен властью в зависимости от политической конъюнктуры.

Нельзя обойти вниманием и вопрос конфессионального права, где правительство предприняло попытку ослабить жесткую регламентацию религиозной жизни и расширить права старообрядцев и иноверцев, что было закреплено в ряде указов и законопроектов о веротерпимости, представлявших собой значительный шаг вперед по сравнению с архаичным законодательством XIX века. Юридическая техника этих актов была направлена на выведение вопросов веры из сферы уголовного преследования (отмена наказания за отпадение от православия) и перевод их в плоскость гражданского регулирования, что позволяло легализовать старообрядческие общины и упростить их имущественные отношения, однако полное равноправие конфессий так и не было достигнуто из-за сопротивления Синода и консервативной части двора [Бойко, Бондаренко, 2024, с. 13-15]. Концепция "господствующей церкви" оставалась краеугольным камнем государственного права, что создавало неустранимые противоречия при попытке внедрить принципы свободы совести в правовую ткань империи, и правоприменительная практика постоянно колебалась между либерализацией и новыми ограничениями под давлением клерикальных кругов.

Реформа местного самоуправления, в частности земства, также имела глубокое правовое измерение, связанное с попыткой расширить избирательные права и ввести всесословное волостное земство, что должно было создать низовой уровень публичной власти, основанный на законе, а не на административном произволе. Юридическая конструкция предполагаемого волостного земства была достаточно прогрессивной и предполагала наделение его реальными бюджетными и хозяйственными полномочиями, однако политическая борьба вокруг этого вопроса привела к тому, что реформа была фактически заблокирована в Государственном Совете, что продемонстрировало неспособность правовой системы империи к самообновлению в условиях конфликта интересов между бюрократией и дворянством. В западных губерниях введение земства сопровождалось нарушением принципа равенства избирателей по национальному признаку (создание национальных курьи), что, хотя и было оформлено законом, противоречило духу правового государства и создавало опасный прецедент использования законодательства для дискриминации отдельных групп населения ради достижения политических целей русификации края.

Рабочее законодательство также подверглось пересмотру в этот период, хотя и с меньшей интенсивностью, чем аграрное: были разработаны проекты законов о страховании рабочих, о больничных кассах и об ограничении рабочего времени, которые базировались на заимствовании немецкой модели социального страхования и стремились ввести трудовые отношения в правовое русло, снизив накал классовой борьбы. Анализ этих нормативных актов показывает стремление государства выступить арбитром между трудом и капиталом, навязывая обеим сторонам обязательные правовые нормы, однако отсутствие легальных профсоюзов и права на забастовку (которое оставалось уголовно наказуемым деянием) делало эту конструкцию неустойчивой и однобокой. Правоприменительная практика в сфере трудовых споров часто склонялась на сторону работодателей, а фабричная инспекция, призванная следить за соблюдением закона, не обладала достаточными полномочиями и независимостью от

местной администрации.

Важным аспектом является эволюция административного права, которое в этот период начало выделяться в самостоятельную отрасль, хотя и не получило окончательного оформления: попытки кодификации полицейского законодательства и регламентации государственной службы наталкивались на хаотичность ведомственных инструкций и циркуляров, которые часто противоречили друг другу и общим имперским законам. Идея законности в управлении, продвигаемая Столыпиным, предполагала создание четкой иерархии норм и ответственности чиновников за нарушение закона, что нашло отражение в ряде сенатских разъяснений, однако на практике принцип "административного усмотрения" продолжал доминировать над принципом законности, особенно в провинции. Корпус чиновничества, воспитанный в традициях безнаказанности, с трудом воспринимал новые правовые реалии, и судебное обжалование действий администрации, хотя и предусмотренное законом, оставалось крайне затруднительным и малоэффективным механизмом защиты прав.

Анализируя законотворческий процесс в целом, следует отметить повышение качества юридической техники по сравнению с предыдущими эпохами: законопроекты становились более детализированными, структурированными и снабженными обширными пояснительными записками, содержащими ссылки на иностранный опыт и статистические данные, что свидетельствует о росте профессионализма юридических кадров в министерствах. Однако эта техническая изощренность часто разбивалась о политические реалии думского процесса, где тексты законов подвергались многочисленным правкам, вносимым не юристами, а политиками, что приводило к появлению внутренних противоречий, пробелов и двусмысленностей в итоговых актах, затруднявших их практическое применение. Взаимодействие правительства с юридическими комиссиями Думы было сложным и конфликтным, но именно в этом горниле споров рождался новый язык российского права, более современный и адаптированный к нуждам развивающегося общества.

Институт частной собственности в период реформ получил мощнейшее развитие не только в земельной сфере, но и в области промышленного и торгового права, где происходила либерализация акционерного законодательства и упрощение процедур регистрации предприятий, что требовало пересмотра норм Устава торгового. Судебная практика коммерческих судов и Сената в этот период активно вырабатывала новые подходы к защите договорных обязательств, добросовестной конкуренции и прав кредиторов, формируя базу для будущего Торгового уложения, которое, к сожалению, так и не было принято. Развитие гражданского оборота опережало законодательное регулирование, и судам приходилось восполнять пробелы в праве путем расширительного толкования существующих норм, что повышало роль судебного прецедента в российской правовой системе, формально принадлежащей к континентальной семье.

Правовое положение личности в империи претерпевало изменения и в связи с миграционными процессами, стимулируемыми аграрной реформой: переселение миллионов крестьян в Сибирь требовало создания с нуля правовой инфраструктуры на новых землях, включая организацию судов, нотариата и полиции, что стало уникальным экспериментом по экспорту правовых институтов на неосвоенные территории. Анализ нормативных актов Переселенческого управления показывает высокую степень детализации регламентации льгот, ссуд и прав переселенцев, однако реализация этих норм сталкивалась с отсутствием квалифицированных кадров на местах, что приводило к массовым нарушениям прав переселенцев и конфликтам со старожилами и коренным населением, которые часто решались

силовыми, а не правовыми методами. Таким образом, географическое расширение сферы действия реформированного права наталкивалось на естественные пределы административных возможностей государства.

Наконец, необходимо отметить влияние реформ на развитие юридической науки и образования: необходимость правового обеспечения преобразований стимулировала бурный рост юридической литературы, появление новых юридических журналов и обществ, где активно обсуждались проекты реформ и практика их применения. Университетская профессура активно привлекалась к разработке законопроектов, что способствовало сближению теории и практики, хотя многие ученые-юристы, придерживавшиеся либеральных взглядов (кадеты), находились в оппозиции к курсу Столыпина, критикуя его за нарушение конституционных принципов. Тем не менее, именно в этот период российская юриспруденция достигла своего расцвета, создав доктринальную базу, которая могла бы послужить основой для построения полноценного правового государства, если бы исторический процесс не был прерван войной и революцией.

Заключение

Изучение нормативного массива и правоприменительной практики эпохи стольпинских реформ позволяет констатировать, что это была масштабная, но незавершенная попытка правовой модернизации, направленная на трансформацию Российской империи из сословно-патерналистского государства в государство правовое, основанное на примате закона и неприкосновенности частной собственности. Законодательство этого периода характеризуется сложным переплетением прогрессивных норм, заимствованных из передовых европейских правопорядков, и архаичных пережитков самодержавного строя, что порождало неизбежные коллизии и двойственность правоприменения, когда одни и те же государственные институты должны были одновременно защищать законность и обеспечивать политическую стабильность любыми средствами. Главным итогом реформ в правовой сфере стало неизбежное разрушение правовой изоляции крестьянства и включение его в общегражданский оборот, что, несмотря на все издержки и нарушения, заложило фундамент для формирования современного понимания права собственности и гражданской правосубъектности, однако отсутствие развитой политической культуры и независимого суда не позволило этим росткам права полностью вытеснить традиционный административный произвол.

Вместе с тем, опыт законотворческой деятельности начала XX века наглядно демонстрирует опасность проведения либеральных реформ методами авторитарного принуждения, поскольку использование чрезвычайного законодательства и пренебрежение процедурными нормами ради достижения благих целей в конечном итоге подрывает доверие общества к праву и воспитывает правовой нигилизм как у управляемых, так и у управляющих. Неспособность власти создать эффективный механизм конституционного контроля и обеспечить реальное, а не декларативное равенство всех перед законом привела к тому, что правовая система оказалась неспособной разрешить социальные конфликты мирным путем, что стало одной из причин краха государственности в 1917 году. Таким образом, стольпинская модернизация остается важнейшим историческим уроком, подтверждающим, что устойчивое развитие правового государства невозможно без гармоничного сочетания сильной исполнительной власти с развитыми институтами парламентского контроля, независимым правосудием и гарантиями прав человека, которые должны быть не просто прописаны в законе, но и обеспечены реальными механизмами их защиты.

Библиография

1. Андреев Д. А. Судебная власть и вызовы модернизации в пореформенной России // Российская история. 2024. № 6. С. 167–170.
2. Бойко Н. Н., Бондаренко Ю. В. Развитие системы источников права Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Аграрное и земельное право. 2024. № 11 (239). С. 13–15.
3. Васильев А. А., Соловьев В. Ю. Модернизация государства и права России первой трети XIX века // Право. Законодательство. Личность. 2023. № 1 (36). С. 23–26.
4. Дунаева Ю. В. Реф. кн. : Почекаев Р. Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии 1717–1917. Юридические аспекты фронтовой модернизации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 1. С. 132–138.
5. Епифанов А. Е. Из опыта реформирования тюремной системы Российской империи в конце XIX в. (историко-правовой аспект) // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева. 2025. № 2 (77). С. 32–39.
6. Каменецкий Е. Л. Перспективы сравнительных исследований правовых изменений в позднеимперской России: судебная реформа 1864 г. в Крыму и Поволжье // Historia Provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 1044–1058.
7. Кузьменко В. И. Трансформация традиционных ценностей в политико-правовой доктрине петровских реформ: конфликт модернизации и национальной идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 357–361.
8. Левченков А. И. Рецепция доктрины римского права в правовую систему Российской империи XIX века // Проблемы права: теория и практика. 2023. № 61. С. 194–203.
9. Мамкина И. Н. Формы правовых узаконений в Российской империи // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 34–43.
10. Метшин И. Р. Систематизация законодательства как фактор укрепления государственного единства Российской империи // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 6. С. 26–36.
11. Николаев И. Н. Юристы и реформы: роль правоведов в правовой трансформации Российской империи в XIX веке // Правовая реформа. 2025. № 3. С. 59–65.
12. Рогачев М.А. Роль законов в правовой системе Российской империи // Образование и право. 2024. № 11. С. 127–130.
13. Сердюк А. В., Рудакова К. Р. Эволюция законодательства в истории России в периоды радикальных преобразований (реформ, модернизации) государства. К 300-летию провозглашения Российской империи (обзор круглого стола) // История государства и права. 2022. № 7. С. 75–80.
14. Сырых В. М. Ведущие правовые доктрины современного правоведения // Правовая культура. 2023. № 2 (53). С. 88–97.
15. Чахиева А. М. К. Истоки противоречий и аномия в российской правовой системе // Правовая культура. 2024. № 2 (57). С. 125–134.

Modernization of the Legal System of the Russian Empire in the Context of the Stolypin Reforms

Vitalii V. Pogartsev

PhD in History, Associate Professor,
Pacific National University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: pogarcevv@gmail.com

Abstract

The article examines the modernization of the legal system of the Russian Empire during the period of Stolypin's reforms as an attempt to update the normative order without dismantling the autocratic foundations of power. It reveals how the revolutionary events of 1905–1907 and the

proclamation of civil liberties actualized the transition from an estate-based model of law to a general civil one, while simultaneously exposing the collision between proclaimed legality and police management practices. The agrarian legislation of 1906–1910 is analyzed as a turning point in property law, which provided the legal possibility for the individualization of peasant land ownership but was implemented through administrative mechanisms that blurred the boundaries between execution and justice. The contradictions of the local court reform and the limitations of the unification of legal proceedings while preserving elements of estate-based distinction are shown. The use of emergency powers to enact acts that formed a dualism of legislative power and diminished the authority of procedural guarantees is separately highlighted. The article examines criminal procedural practices of accelerated justice, problems with the actual guarantee of personal freedoms, partial liberalization of confessional regulation, difficulties in developing administrative accountability for officials, as well as the influence of reforms on commercial law and the legal infrastructure of resettlement territories. The conclusion is drawn about a systemic, but incomplete legal modernization that combined normative renewal with the persistence of authoritarian management tools.

For citation

Pogartsev V.V. (2025) Modernizatsiya pravovoy sistemy Rossiyskoy imperii v kontekste stolypinskikh reform [Modernization of the Legal System of the Russian Empire in the Context of the Stolypin Reforms]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (12A), pp. 51-61. DOI: 10.34670/AR.2026.52.38.007

Keywords

Stolypin reforms, legal modernization, Russian Empire, agrarian legislation, emergency legislation, property law, administrative justice, civil liberties.

References

1. Andreev, D. A. (2024). Sudebnaia vlast' i vyzovy modernizatsii v porenomennoi Rossii [Judicial power and the challenges of modernization in post-reform Russia]. *Rossiiskaia istoriia*, 6, 167–170.
2. Boiko, N. N., & Bondarenko, Iu. V. (2024). Razvitiye sistemy istochnikov prava Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Development of the system of sources of law of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 11(239), 13–15.
3. Dunaeva, Iu. V. (2022). Ref. kn. : Pochekaev R. Iu. Rossiiskii faktor pravovogo razvitiia Srednei Azii 1717–1917. Iuridicheskie aspekty frontal'noi modernizatsii [Review of the book: Pochekaev R. Yu. The Russian factor of legal development of Central Asia 1717–1917. Legal aspects of frontier modernization]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Serii 5: Istoriiia*, 1, 132–138.
4. Epifanov, A. E. (2025) Iz opyta reformirovaniia tiuremnoi sistemy Rossiiskoi imperii v kontse XIX v. (istoriko-pravovoi aspekt) [From the experience of reforming the prison system of the Russian Empire in the late 19th century (historical-legal aspect)]. *Uchenye trudy Rossiiskogo universiteta advokatury i notariata imeni G. B. Mirzoeva*, 2(77), 32–39.
5. Kamenev, K. L. (2023). Perspektivy sravnitel'nykh issledovanii pravovykh izmenenii v pozdneimperskoi Rossii: sudebnaia reforma 1864 g. v Krymu i Povolzh'e [Prospects for comparative studies of legal changes in late imperial Russia: The judicial reform of 1864 in Crimea and the Volga region]. *Historia Provinciae – zhurnal regional'noi istorii*, 7(3), 1044–1058.
6. Kuzmenko, V. I. (2025) Transformatsiia traditsionnykh tsennostei v politiko-pravovoi doktrine petrovskikh reform: konflikt modernizatsii i natsional'noi identichnosti [Transformation of traditional values in the political and legal doctrine of Peter's reforms: The conflict of modernization and national identity]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 3, 357–361.
7. Levchenkov, A. I. (2023). Retsepsiia doktriny rimskego prava v pravovuiu sistemu Rossiiskoi imperii XIX veka [Reception of the Roman law doctrine into the legal system of the Russian Empire in the 19th century]. *Problemy prava: teoriia i praktika*, 61, 194–203.

8. Mankina, I. N. (2021). Formy pravovykh uzakonenii v Rossiiskoi imperii [Forms of legal enactments in the Russian Empire]. *Gumanitarnyi vektor*, 16(3), 34–43.
9. Metshin, I. R. (2025) Sistematisatsiia zakonodatel'stva kak faktor ukrepleniia gosudarstvennogo edinstva Rossiiskoi imperii [Systematization of legislation as a factor in strengthening the state unity of the Russian Empire]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 29(6), 26–36.
10. Nikolaev, I. N. (2025) Iuristy i reformy: rol' pravovedov v pravovoi transformatsii Rossiiskoi imperii v XIX veke [Lawyers and reforms: The role of jurists in the legal transformation of the Russian Empire in the 19th century]. *Pravovaia reforma*, 3, 59–65.
11. Rogachev, M.A. (2024). Rol' zakonov v pravovoi sisteme Rossiiskoi imperii [The role of laws in the legal system of the Russian Empire]. *Obrazovanie i pravo*, 11, 127–130.
12. Serdiuk, A. V., & Rudakova, K. R. (2022). Evoliutsiia zakonodatel'stva v istorii Rossii v periody radikal'nykh preobrazovanii (reform, modernizatsii) gosudarstva. K 300-letiiu provozgleniiia Rossiiskoi imperii (obzor kruglogo stola) [Evolution of legislation in the history of Russia during periods of radical transformations (reforms, modernization) of the state. To the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire (review of the round table)]. *Istoriia gosudarstva i prava*, 7, 75–80.
13. Sykh, V. M. (2023). Vediushchie pravovye doktriny sovremennoi pravovedeniia [Leading legal doctrines of modern jurisprudence]. *Pravovaia kul'tura*, 2(53), 88–97.
14. Vasil'ev, A. A., & Solov'ev, V. Iu. (2023). Modernizatsiia gosudarstva i prava Rossii pervoi treti XIX veka [Modernization of the state and law of Russia in the first third of the 19th century]. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'*, 1(36), 23–26.
15. Chakieva, A. M. K. (2024). Istoki protivorechii i anomiiia v rossiiskoi pravovoi sisteme [The origins of contradictions and anomie in the Russian legal system]. *Pravovaia kul'tura*, 2(57), 125–134.